

84(2=411.2)6-5

P62

MA-400830

Роберт
Рождественский

ЭХО ЛЮБВИ

Роберт Рождественский

ЭХО ЛЮБВИ

М А - 400830

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
2023

СОДЕРЖАНИЕ

Только детство

«Я родился...»	9
Сын Веры	11
В сорок третьем	14
«Взял билет до станции...»	17
«Та зима была, будто война...»	19
Почему мы пишем о войне	21

Друзьям

Богини	41
«А они идут к самолету...»	47
Общежитие	48
Прощание с морем	50
Друг	56
Ровесникам	64
Утро	69

Давнее

«Я, как блиндаж партизанский...»	75
«Приходит врач...»	76
Ремонт часов	80
Стихи о хане Батые	84
Сказка о добром джинне	91
Танцуют индейцы	97
«Друзья мои, давайте захотим!..»	101

Отъезд

«Уезжали из моей страны таланты...»	105
Старая записная книжка	107
Планета друзей	111
Стасису Красаускасу	115
«Спелый ветер дохнул напористо...»	119

Не изменю флагу цвета крови моей

«Нахожусь ли в дальних краях...»	123
Баллада о крыльях. <i>Из поэмы «210 шагов»</i>	125
Сказка с несказочным концом	132
Юноша на площади	139
Разговор о снеге с семилетним Ка Саном — сыном сингапурского поэта Го Бо Сена	141

Полночь

«Будь распят на кресте распахнувшихся рук!..»	145
«Вернуться б к той черте...»	147
Марк Шагал	150
«Человеку надо мало...»	152
Реквием. <i>Из поэмы</i>	154
«На Земле безжалостно маленькой...»	159
«Так вышло...»	161
«Неправда, что время уходит...»	164

Все звучит во мне его песня

Музыка.	169
«Вроде, просто...»	171
Пока я помню	172
Свадьба	176
Последняя песня Арно Бабаджаняна	178
Сладка ягода	180
Эхо любви	181
Ноктюрн	182
То нахлынет боль...	185
Баллада о красках	187

Отцу

Мы не виделись уже девять лет. Твои старые письма желтеют, а твои свитера, которые я ношу, уже не пахнут тобой. Твой голос остался только на пленке, кричит и шепчет из прошлого века. Твоя стихотворная «лесенка» в сегодняшней поэзии вышается гордым, почти разрушенным памятником архитектуры, по которому никто не ходит — в лучшем случае послушают экскурсовода, посмотрят на масштаб, примут во внимание «сложное, неоднозначное время».

Эта «лесенка» ведет в небо.

Мы не виделись уже девять лет. Уходя, ты сказал: «Счастливы вам, девочки мои».

Я не знаю, как можно быть счастливой без тебя.

...В этой книге — твоё время, то самое, «сложное и неоднозначное», шальное и страшное, каким ты его видел и знал. И ты — каким оно видело тебя.

Сегодня твои стихи уже не воспринимаются как эхо времени. Скорее, само время кажется лишь отзвуком стихов, их заголовком — или последней строчкой.

Но я собирала эту книгу не для того, чтобы пере-

дать дух времени, и не для того, чтобы еще раз вспомнить о тебе — я помню тебя всегда. И не для того, чтобы рассказать кому-то: вот, жил такой поэт, писал стихи, был молодым, а потом перестал быть молодым, а потом умер, но стихи остались.

Я просто надеюсь, что тебе понравится. Или хотя бы будет интересно.

И еще одно — то, что я почти никогда не говорила тебе, но ты ведь и так это знаешь, правда?

Я люблю тебя.

Ксения Рождественская

1936 год

* * *

Я родился —
нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,

БОГИНИ

В. Аксенову

Давай покинем этот дом,
давай покинем, —
нелепый дом,
набитый скукою и чадом.
Давай уйдем к своим домашним богиням,
к своим уютным богиням,
к своим ворчащим...
Они, наверно, ждут нас?
Ждут.
Как ты думаешь?
Заварен чай,
крепкий чай.
Не чай — а деготь!
Горят цветные светляки на низких тумбочках,
от проносящихся машин
дрожат стекла...
Давай пойдем, дружище!
Из-за стола встанем.
Пойдем к богиням,
к нашим судьям бессонным.
Где нам обоим
приговор уже составлен.

По меньшей мере мы приговорены —
к ссоре...

Богини сидят,
в немую тьму глаза тараща.

И в то,
что живы мы с тобою,
верят слабо...

Они ревнивы так,
что это даже страшно.

Так подозрительны,
что это очень странно.

Они придумывают разные разности,
они нас любят горячо и неудобно.

Они всегда считают
самой высшей радостью
те дни, когда мы дома.

Просто дома...

Москва ночная спит
и дышит глубоко.

Москва ночная
до зари ни с кем не спорит...

Идут к богиням
два не очень трезвых
бога.

Желают боги одного:
быть собою.

Мы познакомились, когда у меня вышла повесть «Коллеги». До этого я видел Роберта, я тогда был начинающим, так сказать, а он был уже звезда. Я точно не помню, когда первый контакт произошел, я помню, что он просто подошел ко мне. И началась дружба. Бурная, нелепая. Пьяная основательно. И веселая очень.

Это был послесталинский подъем. Все как-то радовались успехам друг друга. Спонтанно, подсознательно, чувствовали, что происходит какое-то наступательное движение. 63 год стал переломным. Вот тогда они впервые нас всех разбросали. И очень успешно. Разбросали, расшвыряли, запугали хрущевскими встречами.

Началось все с художников в декабре 62 года. Визит Хрущева в Манеж. А потом встреча в марте в Кремле. Это был переломный момент во всей этой молодежной волне. Все испугались. Потому что все-таки не так много времени прошло от Сталина, и выглядело это все довольно гадко. Мне кажется, что на Роберта очень сильно это подействовало. Сильней, чем на других. Они ведь давали возможность каждому одуматься и примкнуть к основному течению. И Роберт тогда начал что-то переосмысливать, сти-

* * *

Л. и Ю. Паничам

Уезжали из моей страны таланты,
увозя с собой достоинство свое.

Кое-кто
откушав лагерной баланды,
а другие —
за неделю до нее.

Уезжали не какие-то герои —
впрочем, как понять: герой иль не герой?..
Просто люди не умели думать
строим, —
даже если это самый лучший
строй...

Уезжали.

Снисхожденья не просили.
Ведь была у них у всех одна беда:
«шибко умными» считались.

А в России

«шибко умных»
не любили никогда!..

Уезжали сквозь «нельзя» и сквозь «не можно»
не на год, а на остаток дней и лет.

С Робертом всегда было легко. Сколько лет мы дружили! Довольно часто я вспоминаю одну историю: когда Роберт жил на Калининском проспекте, я однажды явился к нему в гости. Сели мы с Робертом, Алла нам налила по пятьдесят грамм... если не по семьдесят пять. Сидим, и вдруг заходит какой-то человек. Босиком, огромный. Лето было. Мятые штаны, мятая желтая рубашка. И начинает с ходу разговаривать с Робертом о какой-то музыке. Я у Алены спрашиваю: кто это? Она говорит: «Ты что, совсем? Это Гуляев». Заходит второй человек, худощавый, в очках, и с ходу вступает в спор с этим Гуляевым. Гуляев говорит: «Твою музыку я спою, я профессионал. Но народ это не примет». Этот человек говорит: «Я думаю, ты не прав...» Я у Алены опять спрашиваю: «А это кто?» Она отвечает: «Это Таривердиев». Я опять головой киваю, и, чтобы не мучили меня никакие сомнения, бутылочку эту беру сам и сижу там, на полу, на медвежьей шкуре. Они спорили-спорили, Роберт только посмеивался, вставлял реплики какие-то. Потом они ушли, эти двое, а я заночевал там. И утром мне очень хотелось пива, после такой ночи. Роберт говорит: «Мы летим в Баку сегодня, приедет за нами сейчас Муслим Маго-

маев, и поедем. А ты по пути в аэропорт пива выпьешь». Я говорю — ну, ладно. Дождался Магомаева, мы все в машину уселись, и в Домодедово. Едем, я все шоферу говорю: «Вот пива бы, вот пива бы...» Муслим слушал, слушал, открывает дипломат, достает бутылку «Хванчкары»: «Сойдет?» И мы с ним эту «Хванчкару» вдвоем в машине и приговорили. Он тоже был с хорошего бодуна...

Так вот я с музыкальным миром пересекался.

Моя судьба сложилась так, что я уехал в Ставрополь. В те годы не нужен был властям, писал стихи, что надо идти на красный свет... И перестройку я не принял, потому что понял, что это глобальное воровство, бандитизм. Я старый лагерник, я хорошо это все понял. И начал выступать так, что меня власти и сейчас не любят.

Но я всегда думал, что Роберт благополучен. Он не так суетно живет, как я, более стабильно у него все в жизни, чем у меня. Он женился, дочка за дочкой, книжка за книжкой... И вот только когда я прочитал его последние стихи, я понял, что он будь здоров как видит все то, что происходит, еще, может, и лучше меня. И понял, что далеко не все в его душе гладко. И еще больше его за это полюбил.

Владимир Гнеушев, поэт

С мамой, Верой Павловной Рождественской,
и Иосифом Кобзоном

ТО НАХЛЫНЕТ БОЛЬ...

Иосифу Кобзону

То нахлынет боль, то отпустит боль, —
отчего болит,
сам не знаю я...

Песни главные
есть в судьбе любой:
колыбельная
и поминальная...

Колыбельную
я забыть успел,
только помню то, что она была!

Пела мама мне,
словно ангел пел,
и хотелось жить от ее тепла...

Снова быть зиме, а потом весне,
и восходит вновь солнце рыжее...

Поминальная,
не спеши ко мне!

Все равно тебя
не услышу я...

С женой Аллой Киреевой

Алла Киреева

ДОЛГАЯ ЛЮБОВЬ МОЯ

Я знала, что многие нам завидуют, еще бы — столько лет вместе. Но если бы они знали, как мы счастливы, нас, наверное, сожгли бы на площади!

Самым большим врагом в моей жизни была я сама. Только теперь я понимаю, что могла бы быть гораздо мягче, терпимее, веселее. Я просто была рождена мрачноватой личностью. Закомплексованная с ног до головы, каждую женщину всегда считала лучше себя. Интереснее, значительнее.

Я была слепа, не видела, что, со всеми своими проблемами и комплексами, Роберту нужна была я. И только я. И наши девочки. И моя мама. А мне казалось, что за каждым углом — соперница.

Он был не только однолюбом, но и очень верным человеком, рыцарем.

Он был очень веселым человеком, чего нельзя было сказать, не будучи с ним близко знакомым. Просыпался в прекрасном настроении, будто бы благодаря жизнь за то, что она есть. Он напевал с самого утра, и, мне кажется, это настроение создавало особую ауру в доме, в наших душах, питало наш дом, наши мысли, наши дела. Мне кажется, мы стали хуже без него. Он нас сплачивал. После того,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**